

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 49

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 10-го декабря 1905 г. Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ кн. 48.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложениемъ **40 книгъ** „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ: и первая 10 книгъ полн. собр. сочиненій

Остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія дачи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Рязельская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-кою въ Пе-тербургъ

7 р. 50 к.

Съ пересылкою во все мѣстности Россіи.

8 р.

За гра-ницу 12 р.

Гг. новые подписчики, желающіе получить, кромѣ «Нивы» за 1906 г. со всеми приложениями, — еще **первая 10 книгъ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА за 1905 г.**, доплачиваютъ: безъ доставки—1 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой—2 руб.

Декабрь. Рисунокъ Д. Пахомова, авт. «Нивы».

Невѣста Варвара.

Повѣсть И. Н. Потапенко.

(Продолженіе).

Варенька все это видѣла много разъ и все здѣсь осталось неизмѣннымъ.

— Снимите шляпу и вуаль, они вамъ мѣшаютъ,—заботливо сказалъ Мелетій.

— Да... я сниму,—промолвила Варенька и голосъ ея замѣтно дрожалъ. Видно было, что она переживаетъ страшное волненіе.

И Мелетій это видѣлъ и хотѣлъ всячески не замѣчать этого, и не подчеркивать, думая, что это самый лучший способъ, чтобы она успокоилась.

— Я очень взволнована,—сказала Варенька.

— Это напрасно. Нѣтъ причины...—отвѣтилъ Мелетій.

— Вы находите, что все это такъ и должно быть?—спросила Варенька и въ голосѣ ея прозвучала нотка ироніи.

— Такъ и должно быть... непременно, непременно... это должно было совершиться... садитесь же.

Варенька сняла шляпу и вуаль, на рукахъ ея были еще перчатки, которыя она медленно снимала. Лицо ея было задумчиво, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ-то разсѣяно. Очевидно, она никакъ не могла собрать свои мысли. Она сѣла и помолчала съ минуту.

— Позвольте мнѣ придти въ себя...—сказала она.

— Я васъ не стѣсняю, Варвара,—промолвилъ Мелетій.—Дѣлайте что хотите. Не замѣчайте меня...

— Какъ васъ не замѣтить? Вы такой замѣтный...

Она сказала это колеблющимся тономъ, въ которомъ какъ бы боролись искренность и сарказмъ.

Но вдругъ она, какъ казалось, совершенно овладѣла собой. Она промолвила, посмотрѣвъ на него яснымъ увѣреннымъ взглядомъ:

— Слушайте... скажите же... зачѣмъ вамъ это? Что натолкнуло васъ? Вѣдь это ужасно... такъ разомъ, однимъ взмахомъ перевернуть жизнь и свою и... мою...

Тогда онъ внимательно взглянулъ на нее, какъ бы провѣряя, съ серьезной ли цѣлью она задаетъ вопросъ, и, убѣдившись, что онъ дѣйствительно мучаетъ ее, онъ подошелъ къ ней близко и положилъ свою руку на ея руку.

— Варвара,—сказалъ онъ глубокимъ сердечнымъ голосомъ.—Вы говорите—жизнь. А что такое жизнь? Мы называемъ жизнью то, къ чему привыкли, что видимъ вокругъ себя, тѣ формы, уваженіе къ которымъ намъ внушили съ дѣтства. Жизнь, это то, что дѣлаютъ всѣ. И вотъ, когда это нарушается, когда человѣкъ избираетъ себѣ другія формы существованія, говорятъ, что онъ перевернулъ жизнь.

— Непонятно... туманно... холодно то, что вы говорите... Къ вашей жизни была привязана другая, и вы знали, что эта привязанность была не шуточная и не случайная. И вы, избирая другія формы для себя, не подумали о томъ, какъ это отразится на другой жизни... вы даже не сообщили о нашемъ намѣреніи. И вы все-таки правы... все-таки правы... Вы, можетъ-быть, считаете себя непогрѣшимымъ, святымъ?

— Варвара,—мягко остановилъ онъ ее:—прежде всего надо отрѣшиться отъ злобы. Тогда и точка зрѣнія будетъ другая, и все вамъ покажется въ другомъ свѣтѣ.

— Я не могу отрѣшиться... вы обѣщали это сдѣлать...

— И сдѣлаю, Варвара, сдѣлаю, потому что пламенно желаю этого. Буду говорить то, что во мнѣ есть. Слушайте же. Я не сразу пришелъ къ этому. Когда я рѣшилъ избрать монашество, я думалъ, что дѣлаю это изъ пустыхъ, чисто мірскихъ соображеній: избираю болѣе широкую дорогу. Но потомъ, потомъ, когда я остался одинъ, когда случайныя вліянія жизни едва прикасались

ко мнѣ, скользили только по моей душѣ, и она, моя душа, стала свободно развиваться и въ глубь, и въ ширь, я нашелъ въ ней такія сокровища, которыхъ никогда бы не открылъ, живя въ мірѣ. Они заглохли бы и погибли. Слушайте же, Варвара, я расскажу вамъ тѣ мысли, какія родились и жили въ моей душѣ. Между нами было чувство, которое мы называли любовью. Что такое эта любовь? Вѣдь мы были увѣрены, что любимъ свободно, по своему желанію, по своему выбору, но это было не такъ.

— Не такъ? А какъ же?—съ изумленіемъ спросила Варенька.

— Мы любили потому, что такъ намъ велѣла природа. Она устроила такъ, что молодыя человѣческія существа неограниченно влекутся другъ къ другу. Они думаютъ, что влеченіе это зависитъ отъ ихъ собственныхъ достоинствъ, но въ дѣйствительности они только исполняютъ волю природы, которая сдѣлала ихъ рабами.

— Ахъ, это не ново, отецъ Мелетій! Это вѣдь не ново...

— Это не новыя слова, но я по-новому ихъ чувствую. Да, природа имѣетъ свои цѣли—ей нужно сохраненіе рода, ей нужно непоколебимое стояніе человѣчества, и для этого она заманиваетъ насъ всевозможными побрякушками, отъ блеска которыхъ мы слѣпнемъ. Такъ, фабрикантъ, нуждающійся въ рабочей силѣ, заманиваетъ и переманиваетъ къ себѣ работниковъ, обѣщая имъ высокую плату и разныя другія блага и увѣряя ихъ, что работать у него—выгода для нихъ, а не для него. Это мои мысли, Варвара, и я рассказываю ихъ такими, какими онѣ родились. Мы любимъ гордиться нашей состоятельностью, мы торжествуемъ побѣду, когда намъ удается не подчиниться силѣ. Но что же можетъ быть выше побѣды—не подчиниться велѣнію природы, гордо перешагнуть черезъ эту пропасть, въ которой уже погибло столько высокихъ душъ! Зачѣмъ она обманываетъ? зачѣмъ въ основу великаго акта зарожденія человѣка положена ложь? Я говорю, что природа поступаетъ съ нами безчестно. Юнымъ существамъ она не открываетъ своей тайны,—что ей нужно только незыблемое сохраненіе человѣчества; она увѣряетъ ихъ, что въ этомъ все очарованіе, вся прелесть жизни. Единеніе людей она сводитъ къ простому волненію крови, тогда какъ люди могли бы найти другую, безконечно высшую почву для единенія между собою. И вотъ тутъ-то, Варвара, я дѣйствительно почувствовалъ себя гордымъ,—въ тотъ моментъ, когда я силою духа перешагнулъ черезъ эту пропасть. Ты спрашиваешь,—продолжалъ Мелетій, не замѣчая этого перехода на *ты*:—ты спрашиваешь, почему я, находясь въ союзѣ съ тобой, сдѣлалъ это одинъ, почему я не спросилъ твоего мнѣнія, мнѣнія своего компаньона, почему не пригласилъ тебя идти со мною? Да это же ясно: потому что въ тотъ моментъ мы уже не были компаньонами. Развѣ нашъ союзъ былъ основанъ на высшемъ духовномъ началѣ? Нѣтъ, это было слѣпое стремленіе одного къ другому двухъ молодыхъ красивыхъ тѣлъ. Это было стремленіе къ осуществленію цѣлей природы; мы были рабами ея, мы находились подъ вліяніемъ ея безчестнаго обмана. Ты понимаешь меня, Варвара? Я такъ хотѣлъ бы, чтобы ты, именно ты поняла меня.

Варенька молчала и чуть замѣтно кивнула головой, и когда онъ уловилъ это движеніе, въ его глазахъ блеснула радость. Онъ заговорилъ съ какой-то обновленной живостью:

— Но потомъ, когда я почувствовалъ себя на высотѣ, какъ бы парящимъ надъ землею, вдругъ передо мной,

словно из тумана, сталъ выясняться твой образъ, но не тотъ, не тотъ, къ которому я прежде стремился, при мысли о которомъ сердце мое колотилось и дыханіе мое становилось тяжелымъ, а тотъ образъ... о Боже!—вдругъ воскликнулъ онъ, пристально смотря въ ея глаза:—мнѣ кажется, что я вижу его сейчасъ въ твоихъ глазахъ. О, если-бъ это было такъ, Варвара! Нѣтъ, нѣтъ... они опять затуманились, твои глаза, и это ушло, ушло... или мнѣ показалось... Да, твой образъ... я его никогда не видѣлъ, но я зналъ въ тебѣ его черты и я собралъ эти черты въ одно цѣлое и изъ нихъ создалъ тебя, да, я создалъ твою душу... Эти черты убѣгали отъ насъ и прятались, потому что мы, ослѣпленные нашей грубой страстью, презирали ихъ. «Люблю твою душу, люблю твоей умъ»...—такъ говорятъ влюбленные, но они лгутъ. Отними отъ любимаго существа душу и умъ, оставь ему только прекрасное тѣло, горячую кровь, и любовь останется, ни на одинъ градусъ не станетъ холоднѣе. Но тогда я не былъ слѣпъ, тогда глаза мои открылись и я могъ собрать ихъ, эти разрозненные загнанные черты твоей души, и создать изъ нихъ твою душу. И я увидѣлъ, что она божественно-прекрасна... Да, Варвара, ты не знаешь этого. Ты украшаешь свое тѣло, потому что ты не знаешь, что душа твоя въ миллионъ разъ прекраснѣе твоего тѣла. И вотъ, когда меня повлекло къ тебѣ, мнѣ захотѣлось показать тебѣ ту великую побѣду, которую одержалъ я самъ, протянуть руку и взять тебя на ту высоту, которой достигъ я самъ. Погоди, ты думаешь, что я заблуждаюсь, самообманываюсь; нѣтъ, ты видѣла меня въ обществѣ,—я кротокъ. Но почему я кротокъ? потому что я чувствую себя великимъ. Почему я покоренъ? потому что я чувствую себя могущественнымъ! Ты смотришь на мою одежду и думаешь: Зачѣмъ она?

— Да, да... я не люблю этой одежды...—сказала Варенька.

— Но вѣдь это одежда тѣла. Духъ не нуждается въ одеждѣ... Не все ли равно, какія тряпки висятъ на моемъ тѣлѣ—черныя или свѣтлыя?

— Но ты носишь черныя, непременно черныя...

— Потому что это условіе монашества... Оно нужно мнѣ, какъ легчайшій путь для побѣдоноснаго шествія моего духа. Да, есть и другіе пути, можно жить въ мірѣ и работать для духа. Но тутъ на каждомъ шагу тебѣ подъ ноги дѣзуютъ мірскія мелочи и дразги, ты долженъ противъ воли бороться съ ними, дѣлать усилія хотя бы для того, чтобы отшвырнуть ихъ ногами... А тамъ... тамъ уже созданы формы, въ которыхъ духъ чувствуетъ себя освобожденнымъ. Зачѣмъ прорубать новую дорогу въ дремучемъ лѣсу, когда рядомъ уже прорублена? Зачѣмъ бороться съ препятствіями, которыя уже устранены? Понимаешь ли ты меня, Варвара?

Онъ стоялъ передъ нею, не спуская глазъ съ ея лица. Глаза ея были устремлены въ неопредѣленную точку и въ нихъ выражалась напряженная мысль. Она чуть-чуть повернула голову къ нему и тихо, явственно произнесла:

— Въ чемъ же счастье?

— О, Варвара, мнѣ на этотъ вопросъ отвѣтить легко. Счастье—въ свободѣ духа, въ той свободѣ, которая даетъ мнѣ возможность каждую минуту во всякомъ положеніи принимать то рѣшеніе, какое я считаю справедливымъ и честнымъ, и сообразно этому рѣшенію употреблять свои силы. Пойми, пойми, что для человѣка, отказавшагося отъ мірскихъ благъ, нѣтъ предѣловъ этой свободы. Вотъ тебѣ примѣръ, можетъ-быть, грубый, но ясный: тонетъ человѣкъ на срединѣ озера. Въ твоей благородной душѣ является движеніе—броситься въ воду, поплыть къ нему и спасти его, но ты, привязанная къ міру тѣмъ, что у тебя есть мужъ, дѣти, которыхъ ты любишь и которымъ нужна твоя жизнь, ты не бросишься въ воду, ты останешься на мѣстѣ, потому

что это связано съ рискомъ. Ты можешь спасти, но можешь и погибнуть. Я же, у котораго нѣтъ этихъ мірскихъ связей, отъ жизни котораго не зависятъ ни жена, ни дѣти, ни кто другой,—я пойду за этимъ благороднымъ движеніемъ и спасу жизнь утопающему. Милліоны великихъ дѣлъ не были совершены только потому, что люди были привязаны мірскими благами. Человѣческая душа богата благородными побужденіями; они рождаются въ ней каждое мгновеніе, но чтобы они могли безпрепятственно перейти въ дѣло, нужна свобода духа, а ея-то и нѣтъ, ни у кого нѣтъ, даже у монаховъ, отрехшихся отъ міра, она встрѣчается рѣдко. Пойми, Варвара, что я вовсе не аскетъ, не съ низменными человѣческими страстями я воюю, не съ грѣховной плотью; а воюю я съ ними потому, что они слишкомъ крѣпко прицѣпились къ духу и своей тяжестью влекутъ его внизъ и мѣшаютъ ему расправить крылья и летѣть къ солнцу. Понимаешь ли ты меня?

— Я понимаю... Ты высокъ!.. Ты странно высокъ, Мелетій! Я понимаю, и я завидую тебѣ...

— Варвара, неужели твои глаза видятъ это?

— О, да, глаза видятъ... но я сама... еще такъ далеко отъ этого.

— Но ты прощаешь мнѣ?... Наши души будутъ такъ же близки, какъ близки были наши тѣла?..

— Мелетій, я хотѣла бы этого, но я люблю жизнь... Ту жизнь, которую ты оставилъ...

— А я развѣ не любилъ ея? Вспомни, какъ я былъ преданъ ей, какъ я стремился къ тому, что мы называли счастьемъ... Но надо только одинъ разъ почувствовать ту безконечную радость, какую даетъ свобода духа, чтобы разлюбить ее...

— Да, надо почувствовать и для этого надо имѣть какія-то силы, которыхъ у меня нѣтъ.

— Не надо, Варвара, дѣлать усилія... не надо стремиться во что бы то ни стало... Я не стремился, ко мнѣ пришло это само собой... И я вѣрю, что и къ тебѣ придетъ. Но если-бъ ты знала, какую радость доставляетъ мнѣ сознаніе, что въ тебѣ нѣтъ больше злобы противъ меня. Вѣдь нѣтъ, нѣтъ?..

— Нѣтъ... и не можетъ быть. Ты такъ прекрасенъ, Мелетій... ты такъ высокъ... Я могу только преклоняться передъ тобой... Прости, но я должна уйти... я слишкомъ долго отсутствовала... дома станутъ тревожиться. Но ты приходи къ намъ, Мелетій... Теперь меня никто не удержитъ. Потому что я увѣровала въ тебя. Прощай, Мелетій...

Она встала и протянула ему руку.

— До свиданія, Варвара. Мы будемъ видѣться, пока я здѣсь. Благодарю тебя, благодарю! Сколько мира ты принесла въ мою душу... чувствуешь ли ты, Варвара, что эта радость, которую мы теперь испытываемъ, безконечно прекраснѣе той, прежней?

— Прощай!—сказала она, не отвѣтивъ на его вопросъ.

Она въ это время надѣла шляпку, но вуаль не былъ опущенъ. Она сказала:

— Мелетій, я хочу просить тебя... благослови меня! Мнѣ это нужно. Мнѣ кажется, это мнѣ поможетъ.

— О, съ великой радостью!—воскликнулъ Мелетій и благословилъ ее большимъ набожнымъ крестомъ. Она схватила его руку и поцѣловала ее.

Послѣ этого она не произнесла больше ни слова. Она быстро повернулась къ двери и вышла въ переднюю, а потомъ и въ ограду. Онъ стоялъ на порогѣ, она сдѣлала ему знакъ, чтобы не провожалъ ее.

Возница, въ ожиданіи ея дремавшій на козлахъ, проснулся и подѣхалъ къ калиткѣ. Мелетій все стоялъ и видѣлъ, какъ она сѣла въ бричку и, обернувшись къ нему, кивнула ему головой. Затѣмъ бричка покатила по дорогѣ и скрылась за церковью.

Скоро вернулся изъ города дьяконъ и пришелъ изъ

Чайныя розы. Рисунокъ А. Шрамма, арт. «Нива».

Тщеславіе. Картина А. Шрамма, арт. «Нива».

кухни Агаея Федоровна. Оба, точно стоворившись, ни слова не спросили о Варенькѣ и о томъ, что между ними было.

Но отъ нихъ не могла скрыться какая-то необыкновенная радость, сіявшая въ глазахъ Мелетія.

— Была здѣсь Варенька,—сказалъ имъ самъ Мелетій.—Была она здѣсь и принесла мнѣ много радости. Она поняла меня и простила. Какая у нея прекрасная душа!.. Ахъ, отецъ, сколько прекрасныхъ душъ погибаетъ, благодаря жизни!.. Какая это жестокая вещь—жизнь!..

Дьяконъ не понялъ, въ чемъ тутъ дѣло, но вѣрилъ Мелетію, что въ этомъ есть что-то хорошее и чистое.

IX.

Въ это время въ семьѣ отца Луки Троянскаго произошло важное событіе, которое внесло въ ея жизнь новое огорченіе и особенно было чувствительно для матушки. Она и безъ того въ послѣднее время переживала нравственные муки. Варенька слишкомъ явственно отступала отъ заведеннаго матушкой порядка. Но такихъ рѣшительныхъ дѣйствій она отъ нея не ожидала.

Прежде всего Варя, пріѣхавъ отъ Велегласовыхъ, не болѣе получаса переживала колебаніе: скрыть ли ей отъ матери или сказать о своемъ свиданіи?

У нея было не мало вещей, которыя она скрывала отъ матери, когда это представлялось удобнымъ. Но теперь у нея была борьба, кака-то особенно острая. Она знала, что со стороны матери будетъ сильный протестъ, и, тѣмъ не менѣе, ей было ужасно тяжело скрывать. Какое-то новое чувство требовательной правдивости мѣшало ей въ этомъ. Можетъ-быть, это былъ отголосокъ того впечатлѣнія, которое она вынесла отъ свиданія съ Мелетіемъ. Въ своемъ стремленіи открыть ей душу, онъ, хотя и былъ туманенъ и не совсѣмъ ясенъ, тѣмъ не менѣе, показался ей какимъ-то безконечно правдивымъ. Ни малѣйшей фальши, ни тѣни лжи она не разслышала въ его голосѣ, не прочитала въ его глазахъ. Такой прямоты, такой душевной ясности она никогда еще ни въ комъ не встрѣчала во всю свою жизнь. И она теперь находилась подъ неотразимымъ вліяніемъ этого впечатлѣнія.

И все это время, эти короткіе полчаса, что она скрывала отъ матери, заявивъ, что была гдѣ-то въ книжномъ магазинѣ, гдѣ искала, но не нашла, какую-то книжку, она страдала!..

И вдругъ она рѣшилась сказать и прямо заявила матери:

— Это неправда, я не была въ книжномъ магазинѣ. Я была у Велегласовыхъ!..

— Что? У какихъ... Велегласовыхъ?—дѣйствительно ничего не понявъ, спросила матушка.

— У Велегласовыхъ... тѣхъ самыхъ... я хотѣла видѣться съ Мелетіемъ, и я видѣла его!..

— Варенька, — сверкнувъ глазами, промолвила матушка:—съ тобой дѣлается что-то непостижимое!.. это нездорово!.. ты больна!.. тебѣ надо лѣчиться!..

Больше ничего матушка не могла сказать. Признаніе Вареньки потрясло ее.

А тутъ еще явилось совпаденіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что еще въ срединѣ зимы у нихъ въ домѣ началъ бывать нѣкій семинаристъ послѣдняго богословскаго класса, по фамиліи Ураловъ.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ, сынъ довольно зажиточнаго священника въ уѣздномъ городѣ. По внѣшности онъ мало походилъ на семинариста. Платье сидѣло на немъ изрядно, въ его манерахъ вовсе не было той роковой угловатости, по которой издали узнаютъ семинариста. Онъ былъ не глушь, кое-что читалъ, съ нимъ можно было съ пріятностью провести время.

Наружность у него была не только приличная, но даже привлекательная. Учился онъ не очень старательно,

такъ какъ не имѣлъ охоты продолжать образованіе въ академіи.

Идеаломъ его жизни былъ приходъ въ губернскомъ городѣ или, въ крайнемъ случаѣ, хоть въ уѣздномъ. У него была «рука» и онъ всегда могъ на это рассчитывать.

Съ перваго же своего появленія въ домѣ Троянскихъ, Ураловъ влюбился въ Вареньку. Но онъ зналъ, что она считается невѣстой академика Михаила Велегласова, съ которымъ состязаться у него не было шансовъ. Поэтому онъ тайлъ свое чувство, выдавая его развѣ только пламенными взглядами.

Но когда получилось извѣстіе о вступленіи Велегласова въ монахи, и въ домѣ Троянскихъ по отношенію къ нему все рѣзко перемѣнилось, Ураловъ проявилъ свое чувство и сталъ усиленно ухаживать за Варенькой.

Варенька сначала уклонялась. Злоба къ Михаилу мѣшала ей отнестись сколько-нибудь доброжелательно къ другому.

Но затѣмъ, подъ вліяніемъ матери, она стала думать, что замужество, какое бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было, является для нея чуть ли не вопросомъ гордости и чести.

Ураловъ же далеко не былъ «кѣмъ бы то ни было». Изъ среды богослововъ онъ былъ несомнѣнно выдающийся.

И Варенька начала выражать ему свою благосклонность, правда не слишкомъ ярко, но настолько опредѣленно, что онъ могъ надѣяться.

Когда же въ губернской городъ пріѣхалъ Мелетій, Ураловъ замѣтилъ со стороны Вареньки даже нѣчто похожее на чувство. Она никому не высказывала этого, но въ глубинѣ души ей хотѣлось, чтобы дѣйствительно произошла свадьба и именно тогда, когда Мелетій въ городѣ. Ей казалось, что это должно страшно уязвить его.

Но Ураловъ все никакъ не могъ осмѣлиться сдѣлать ей опредѣленное предложеніе. Уже онъ кончилъ курсъ и хлопоталъ о мѣстѣ. Пока не выходила вакансія, а онъ считалъ почему-то, что предложеніе будетъ какъ бы необоснованнымъ безъ указанія на опредѣленное мѣсто.

И вотъ какъ разъ теперь, тутъ же въ губернскомъ городѣ освободилась вакансія, и изъ консисторіи благожелательное начальство предложило ее Уралову. Тогда онъ рѣшилъ, что время наступило. Онъ явился къ Троянскимъ и сообщилъ матушкѣ о своемъ намѣреніи просить руки Вареньки.

— Что же,—сказала матушка:—мы съ отцомъ Лукою знаемъ васъ за прекраснаго молодого человѣка, и не сомнѣваемся, что вы будете хорошимъ, достойнымъ мужемъ!.. Но, само собою разумѣется, прежде надо спросить объ этомъ Вареньку.

И она, конечно, взяла это на себя. Это было черезъ три дня послѣ свиданія Вареньки съ Мелетіемъ. Вечеромъ матушка затѣяла съ Варенькой разговоръ объ этомъ.

— Былъ сегодня Ураловъ, онъ получилъ приходъ здѣсь, въ нашемъ городѣ!.. Онъ намекнулъ мнѣ, что хочетъ просить твоей руки!.. Мнѣ кажется, что ты къ нему очень расположена и едва ли откажешь!.. Вѣдь тебѣ, Варенька, уже двацать одинъ годъ.

Матушка, вѣроятно, привела бы еще много основательныхъ доводовъ, если бы этому не помѣшала Варенька, которая перебила ее:

— Это будетъ напрасно, мама!.. Я за него не пойду.

— Почему, мой другъ, почему? Мнѣ казалось, что ты ждала этого предложенія!..

— Нѣтъ, я не ждала!.. я не пойду замужъ!..

— Однако, Варенька, на что же ты рассчитываешь?

— Я ни на что не рассчитываю!.. Во всякомъ случаѣ, мама, я не понимаю, какъ вы можете убѣждать меня въ этомъ; развѣ въ подобной вещи можно убѣдить?

— Можно во всемъ убѣдить!..

— Кромѣ чувства. Я не могу питать чувство къ

человѣку, только потому, что вы убѣждаете меня въ этомъ...

Матушка выразительно пожала плечами.

— Съ тобой, Варенька, дѣлается что-то необыкновенное. Ты просто на себя не похожа, съ тѣхъ поръ, какъ появился здѣсь этотъ монахъ.

— Мама, пожалуйста не говорите объ этомъ.

— Почему же не говорить?—видимо уже начинала сердиться матушка.—Я хочу говорить и буду говорить... ты такъ ведешь себя, какъ будто рассчитываешь, что онъ для тебя скинетъ монашескую рясу и все-таки женится на тебѣ...

— Мама, если вы будете продолжать объ этомъ, я уйду...

— И буду продолжать... Никто не можетъ запретить мнѣ этого... А если ты уйдешь, то поступишь невѣжливо, и только...

— Я должна поступить невѣжливо...—сказала Варенька и ушла въ свою комнату...

Это было цѣлое событіе. Матушка, разумѣется, обрушилась на отца Луку, который тотчасъ же призналъ себя во всемъ виноватымъ.

Онъ слишкомъ слабъ. Онъ не оказываетъ рѣшительно никакого благотворнаго вліянія на дочь, притомъ же это онъ допустилъ этого монаха къ себѣ въ домъ. Его надо было выгнать въ тотъ моментъ, когда онъ появился.

А затѣмъ онъ же виноватъ въ томъ, что Варенька тогда не послушалась ее и все-таки пошла на этотъ вечеръ къ кафедральному. Онъ долженъ быть настойчивымъ, онъ долженъ проявлять власть...

Но дѣло-то въ томъ, что вечеромъ пришелъ къ нимъ Ураловъ. Онъ часто приходилъ къ вечернему чаю.

Видъ у него былъ веселый, какъ у человѣка, который послѣ одной удачи, выразившейся въ полученіи хорошаго прихода, увѣренно ждалъ другой.

И у матушки была трудная задача—дать ему понять, что увѣренность его, во всякомъ случаѣ, преждевременна. Разумѣется, она сумѣла сдѣлать это съ толкомъ. Она вовсе не хотѣла смотрѣть на отвѣтъ Вареньки, какъ на нѣчто окончательное. Она еще предприметъ свои атаки и, конечно, добьется своего, какъ всегда добивалась.

Поэтому она дала знать отцу Лукѣ, чтобы онъ на нѣсколько минутъ оставилъ ихъ вдвоемъ. Отецъ Лука сейчасъ же выдумалъ какое-то дѣло въ кабинетѣ.

— Вотъ какая неудача,—сказала матушка Уралову:—Варенька цѣлый день сегодня возилась съ портнихой, и пріѣхала домой съ страшной головной болью. Я уложила ее въ постель и, разумѣется, ничего не сказала ей о томъ... вотъ, что мы говорили...

Ураловъ даже не выразилъ ни малѣйшаго разочарованія. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что предложеніе его будетъ принято. Человѣкъ, у котораго есть приходъ въ губернскомъ городѣ, не можетъ быть отверженъ.

— Ну, это ничего... днемъ раньше, днемъ позже... это успеется...—сказалъ онъ, и этимъ ихъ разговоръ ограничился. Скоро и отецъ Лука появился въ столовой.

Относительно Вареньки матушка была увѣрена, что она сегодня ни за что не выйдетъ въ столовую. Конечно, она не захочетъ встрѣтиться съ Ураловымъ; иначе могло бы получиться крайне неловкое положеніе.

И вдругъ, къ ея изумленію, Варенька вошла и, какъ ни въ чемъ не бывало, поздоровалась съ Ураловымъ. Матушка растерялась, что рѣдко съ нею бывало.

— Ахъ... вы, Варвара Лукинишна!.. А матушка сказала, что вы въ постели, что у васъ голова болитъ!—сказалъ Ураловъ.

Варенька вопросительно посмотрѣла на мать, поняла, въ чемъ дѣло и промолвила:

— Да, болѣла, но прошла...

У матушки отлегло отъ сердца, но все-таки оставался

еще одинъ пунктъ: она боялась, чтобы Варенька сама не заговорила о роковомъ предметѣ. Конечно, этимъ она обнаружила бы невоспитанность, совсѣмъ ей не свойственную. Но чего только теперь отъ нея нельзя ожидать!..

И матушка теперь сидѣла, какъ на угольяхъ. Разговоръ шелъ о разныхъ постороннихъ вещахъ. Ураловъ былъ чрезвычайно оживленъ. Отчасти это зависѣло отъ его удачи съ приходомъ, отчасти же такъ на него дѣйствовало сосѣдство Вареньки.

— Ахъ, да,—сказалъ онъ, между прочимъ:—сегодня я, наконецъ, увидѣлъ этого знаменитаго монаха, о которомъ столько говорятъ въ городѣ.

Лицо матушки вытянулось. Она боялась, какъ бы Ураловъ не обмолвился чѣмъ-нибудь такимъ, что можетъ задѣть Вареньку.

— Ну, не такая уже это рѣдкость,—формально сказала она, чтобы дать какую-нибудь безразличную реплику.

— Не скажите. Вотъ я, напримѣръ, ни разу еще не встрѣчалъ его. А сегодня видѣлъ—онъ ѣхалъ съ архіереемъ въ его каретѣ, должно-быть, кататься поѣхали въ лѣсъ. А вѣроятно, жохъ онъ, этотъ монахъ...

Варенька быстро повернула къ нему голову и, глядя на него въ упоръ, рѣзкимъ тономъ спросила.

— Почему вы такъ думаете?!

— Да вѣдь вотъ присоался къ архіерею. Говорятъ, не отходить отъ него.

— Что же изъ этого слѣдуетъ?—строго произнесла Варенька.

— Ничего особеннаго, Варвара Лукинишна, а только вѣдь присоался-то онъ къ архіерею, не ко мнѣ, напримѣръ, или другому простому смертному... Значить, выгода есть...

— Вы ошибаетесь, Семень Петровичъ. Монахъ Мелетій неспособенъ искать выгоды.

— Но почему вы знаете? Онъ, конечно, былъ прежде вашимъ... хорошимъ знакомымъ. Но вѣдь онъ тогда не былъ монахомъ. Онъ могъ совершенно переимѣниться...

— Да, онъ переимѣнился... но только онъ сталъ еще лучше, чѣмъ прежде...

О, это уже выходило изъ всякихъ границъ. Матушка терпѣла настоящія страданія, но это переполнило ея чашу. Она готова была вскипѣть, прикрикнуть на Вареньку, сдѣлать скандалъ. И только ея необыкновенное безпримѣрное самообладаніе спасло этотъ вечеръ.

Она подавила въ себѣ негодованіе и сказала тономъ, которому нельзя было даже отказать въ видимомъ спокойствіи.

— Охъ, какъ душно здѣсь... Это, должно-быть, отъ самовара. Пойдемте, Семень Петровичъ, въ гостиную... тамъ окна открыты на улицу.

Она встала, Ураловъ повиновался. Но все же возраженіе Вареньки, или лучше сказать, тонъ ея задѣлъ его. Въ гостиную онъ сказалъ матушкѣ тономъ жалобы:

— Я не понимаю, съ чего это Варвара Лукинишна разсердилась на меня.

— Ахъ, я же сказала вамъ, что у нея голова болитъ... Нервы сегодня не въ порядкѣ...

— Отчего же это? Варвара Лукинишна—такая здоровая... у нея такой ровный характеръ.

— Ну, знаете... женскіе нервы... съ нихъ нечего взыскивать...

Матушка старалась отдѣлаться общими фразами, и была ужасно рада, когда Ураловъ поднялся, чтобы прощаться.

Ей предстояло еще одно испытаніе: Ураловъ, конечно, зайдетъ въ столовую проститься съ Варенькой. И вдругъ она ему тамъ ляпнетъ...

Но это опасеніе оказалось напраснымъ: Вареньки въ столовой уже не было. Уралову оставалось проститься только съ отцомъ Лукой, который допивалъ свой чай съ вареньемъ. Варенька ушла къ себѣ.

Друзья. Рисунокъ Г. Шперлингъ, авт. «Нивы».

На другой день матушка предприняла свою атаку. Она забралась къ Варенькѣ, когда та только-что проснулась и была еще въ постели.

Матушка забыла все вчерашнее зло и говорила такъ любовно, нѣжно и доброжелательно.

— Какъ же такъ, Варенька, можно ли такъ обращаться съ жизнью? Вѣдь ты уже разъ потерпѣла разочарованіе. Видишь, какъ въ жизни бываетъ, что люди, въ которыхъ мы вѣримъ, какъ въ Бога, которымъ отдаемъ свою душу, оказываются эгоистами, и имъ до насъ все равно... Ахъ, другъ мой, въ жизни такъ устроено, что каждый о себѣ только думаетъ...

— А этотъ Ураловъ, вы полагаете, мама, обо мнѣ думаетъ, а не о себѣ?

— Онъ любить тебя, Варенька, въ этомъ ты не можешь сомнѣваться.

— Однако, онъ и не подумалъ спросить меня, люблю ли я его, а дѣлаетъ предложеніе... значитъ, ему достаточно, что онъ любитъ... Да и что это за любовь? Ахъ, мама, вы же сами хорошо знаете... нужна ему жена для домашняго хозяйства да и потому еще, что безъ жены

Контръ-адмиралъ С. П. Писаревскій, раненый матросомъ во время беспорядковъ въ Севастополѣ.

нельзя сдѣлаться священникомъ. Вотъ и все!

— Но это же понятно. Всякій для чего-нибудь нуженъ. Разумѣется, нужна жена, оттого онъ и женится; а была бы не нужна, не женился бы.

— Да, но мнѣ не нуженъ мужъ... поймите, что я не стремлюсь къ этому, да и, наконецъ, не люблю его.

— Удивительно, право, Варенька! Еще двѣ недѣли тому назадъ ты показывала другое.

— Ничего другого не было, мама... Это мы съ вами выдумали, будто бы гордость отъ меня требуетъ замужества... а я теперь вижу, что, напротивъ, гордость требуетъ совсѣмъ другого, потому что это униженіе—выйти замужъ только потому, что другой тебя бросилъ... Мама, я не выйду за него... я не хочу...

— За кого же ты выйдешь?

— Ни за кого.

— Какъ же такъ? Значитъ, ты хочешь остаться въ дѣвцахъ?..

— Право, я ничего не хочу. Если полюблю кого-нибудь, то выйду.

— И это твое послѣднее слово?

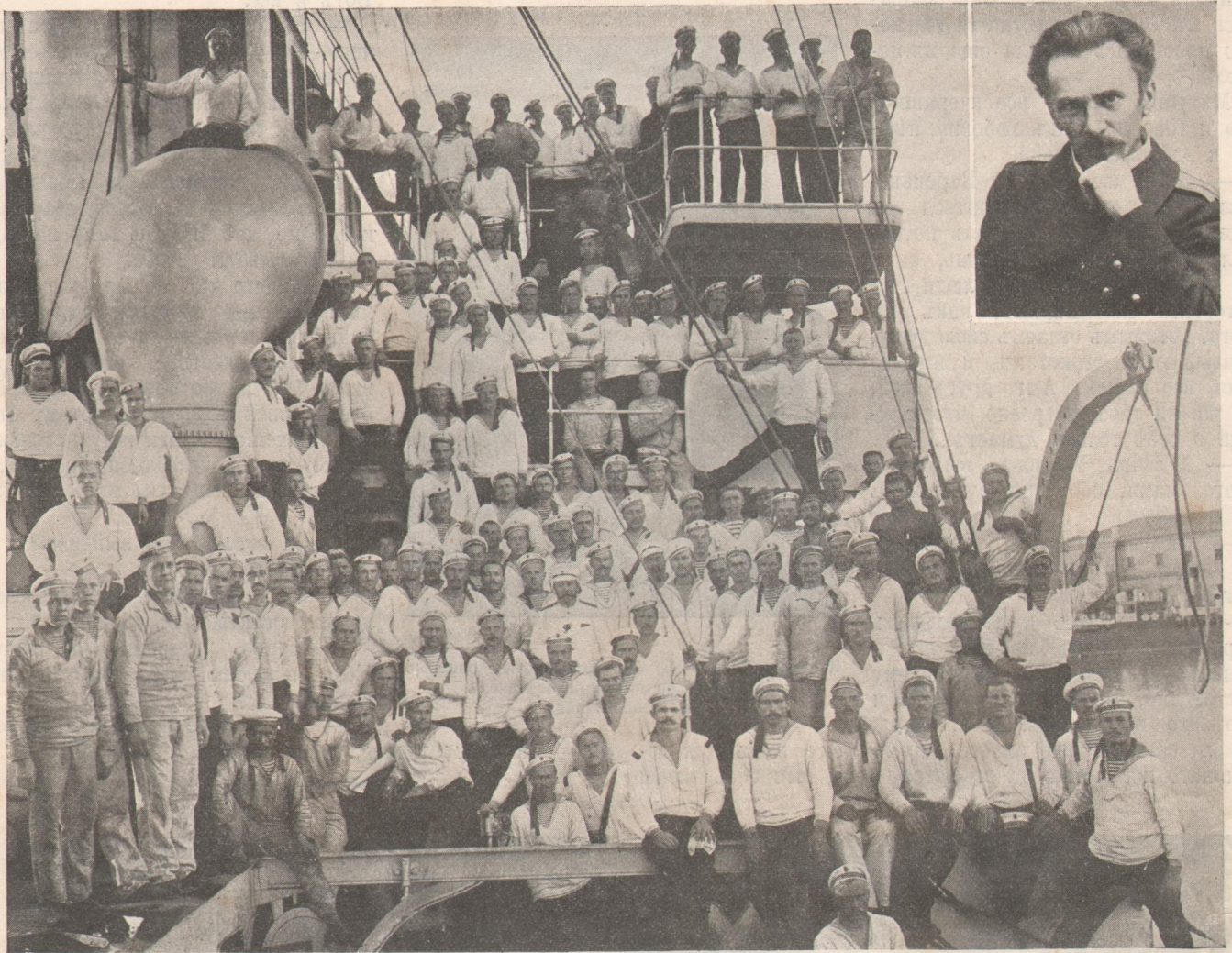
— Самое послѣднее, мама...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Командиръ Брестскаго пѣхотнаго полка, завѣдующій лазаретомъ и священникъ передъ трупами убитыхъ солдатъ.

Событія въ Севастополѣ. По фот. Д. Пудичева, авт. «Нивы».

Команда крейсера „Очаков“

Лейтенантъ Шмидтъ, командовавшій возмущившимися судами.

Офицеры и команда крейсера „Очаков“.

Событія въ Севастополѣ. По фот. Д. Пудичева, снятой за двѣ недѣли до событій, авт. «Нивы».

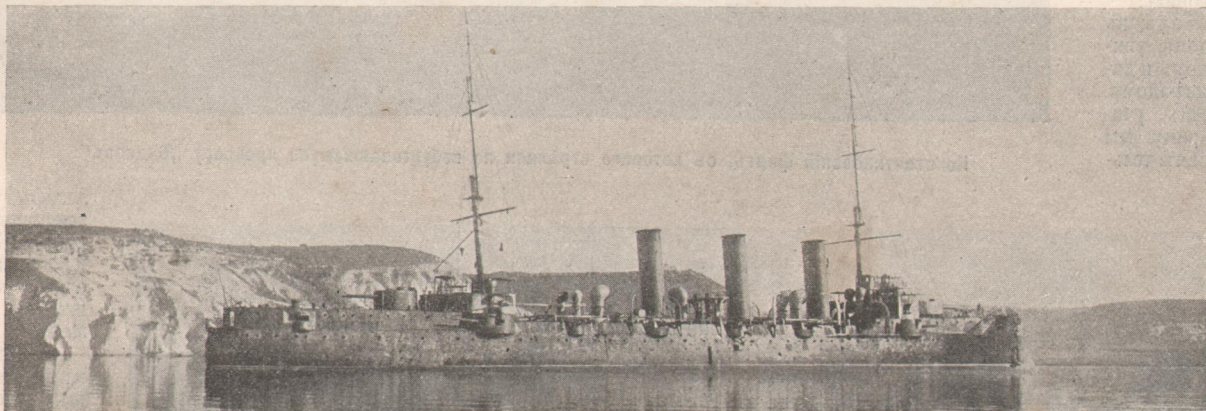
Новый ученикъ.

Сказка Василя Московскаго.

На берегу южнаго, теплаго моря расположился большой, шумный, веселый городъ. Корабли со всѣхъ концовъ земли стояли въ его глубокой гавани, набережная пестрѣла разноцвѣтными фла-

гами и костюмами иноземцевъ, и разноязычный говоръ слышался на всѣхъ его улицахъ.

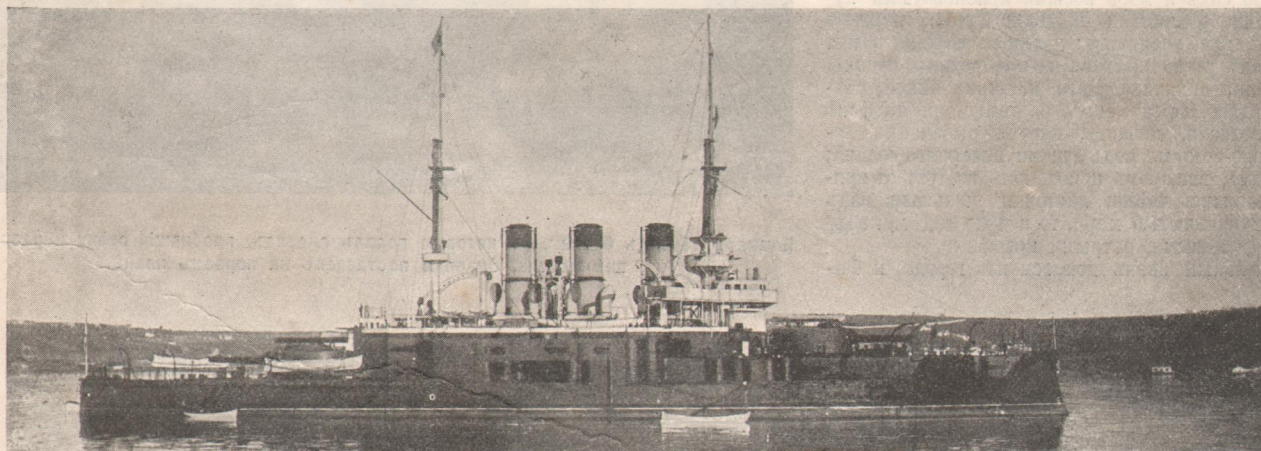
Рядомъ съ городомъ спускался къ морю обширный, тѣнистый

Взбунтовавшийся крейсеръ „Очаковъ“, который получилъ пробоины у кормы по ватерлинии и на которомъ находился лейтенантъ Шмидтъ.

Броненосецъ „Ростиславъ“.

Броненосецъ „Князь Потемкинъ-Тавричскій“, переименованный въ „Св. Пантелеймона“.

Событія въ Севастополѣ. По фот. Д. Пудичева, авт. «Нивы».

ЗАЯВЛЕНІЕ.

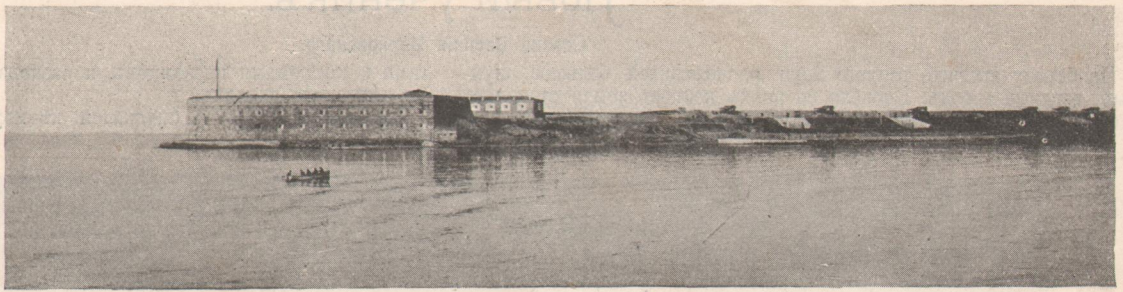

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше просить гг. подписчиковъ возобновить подписку на „Ниву“ 1906 года заблаговременно, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться при этомъ номерѣ „Нивы“ подписнымъ бланкомъ въ видѣ почтового перевода.

садъ. Въ саду этомъ жилъ и училъ знаменитый философъ. Когда иностранцы подходили съ моря къ городу, лопманъ прежде всего указывалъ имъ на этотъ садъ и говорилъ:

— Вонъ тамъ, въ саду, въ домъ, увитомъ плющомъ и дикимъ виноградомъ, живетъ нашъ учитель, которому мы обязаны всѣмъ: толь-

Константиновскій фортъ, съ котораго стрѣляли по взбунтовавшемуся крейсеру „Очаковъ“.

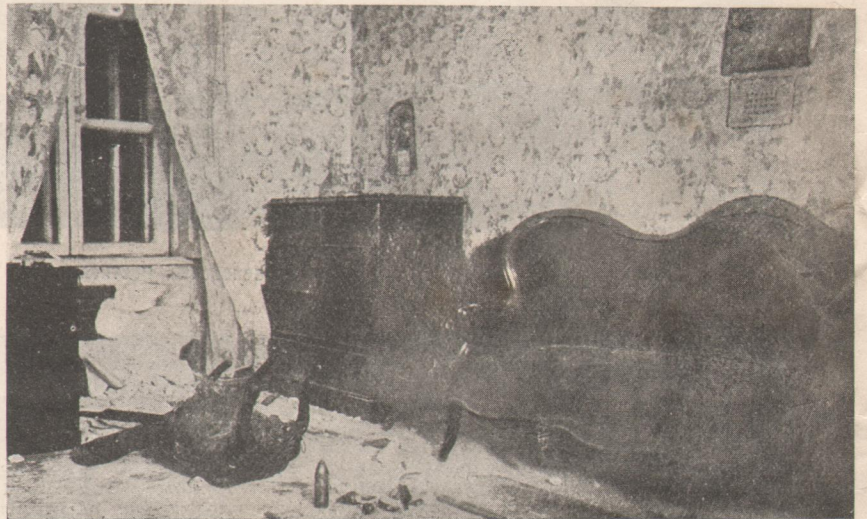
Графская пристань и гостиница Киста, поврежденныя выстрѣлами во время безпорядковъ.

ко благодаря учителю мы живемъ счастливо и пользуемся любовью и уваженіемъ другихъ народовъ... Вы видите зеленый дугъ у самаго берега и группу деревьевъ? Здѣсь обыкновенно онъ учитъ и бесѣдуетъ со своими учениками...

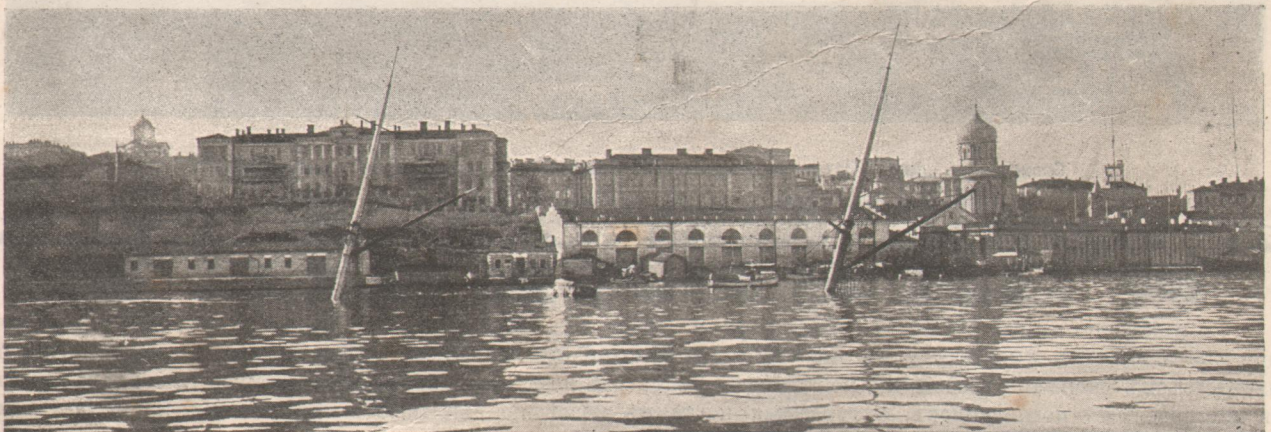
И лопманъ начиналъ рассказывать о жизни философа, объ ученикахъ его, пріѣзжающихъ къ нему изъ дальнихъ странъ, о любви, которую онъ пользуется въ своей родной землѣ, и иностранцы подолгу не отрывали взоровъ отъ скромнаго жилища философа, а ступивъ на землю, спѣшили къ нему, чтобы увидѣть и услышать его самого.

Однажды, въ тихій лѣтній вечеръ, философъ, окруженный учениками, сидѣлъ въ саду на берегу моря и училъ. Солнце склонялось къ западу и освѣщало садъ и море косыми красноватыми лучами. Тихо шелестѣли листьями густыя деревья надъ головами учениковъ; длинныя морскія волны у ногъ ихъ рѣзво набѣгали на прибрежный песокъ, смачивали, сглаживали его и, шипя пѣной, сбѣгали обратно. Тамъ и сямъ, на темно-синемъ фонѣ моря, ползали, качаясь, паруса рыбачьихъ лодокъ, ярко-розовые подъ лучами вечерняго солнца; въ чистомъ, влажномъ и соленомъ воздухѣ съ криками носились чайки; ласточки мелькали надъ самой поверхностью моря, то и дѣло задѣвая воду своими длинными, острыми крыльями.

Колокольный звонъ донесся изъ города, и фи-

Комната „Грандъ Отеля“, въ которую попалъ снарядъ, пробившій стѣну и разрушившій мебель. Снарядъ поставленъ на первомъ планѣ.

Видъ Южной бухты съ затопленнымъ во время безпорядковъ транспортомъ „Бугъ“.

Событія въ Севастополь. По фот. Д. Пудичева, авт. «Нивы».

лософъ всталъ, закончивъ свою рѣчь. Къ нему приблизился одинъ изъ слушателей и сказалъ:

— Учитель! пришелъ новый ученикъ и хочетъ видѣть тебя.

— Позови его сюда, — сказалъ философъ.

— Вонъ онъ самъ идетъ къ намъ...

Новый ученикъ подошелъ и, узнавъ учителя, привѣтствовалъ его.

— Ты хочешь учиться?—спросилъ философъ.

— Да,—отвѣтилъ тотъ.—Я изучалъ многія науки, хорошо знакомъ съ искусствами и теперь пришелъ къ тебѣ изучить философію.

— Подумай,—сказалъ учитель.—можетъ-быть, ты хочешь изучить не философію, а что-нибудь другое, что только называешь философіей?

— Нѣтъ, именно философію: я хочу научиться жить.

— Но почему ты пришелъ ко мнѣ? Можетъ-быть, тебя удовлетворили бы другіе учителя жизни?

— Нѣтъ, я хочу учиться у тебя... Я видѣлъ жизнь твою и твоихъ учениковъ, говорилъ съ ними и убѣдился, что, у другихъ учителей мнѣ нечему учиться...

— Изучалъ ли ты философію раньше?—спросилъ учитель.

— Самоучкой... но знаю, какъ мнѣ кажется, уже много; мнѣ осталось только узнать, почему люди дѣлаютъ зло, когда могли бы дѣлать добро—а тогда, пожалуй, я могъ бы и закончить изученіе философіи...

Учитель грустно улыбнулся.

— Посмотримъ, можешь ли ты еще начать ученье,—сказалъ онъ и заговорилъ затѣмъ ровнымъ тихимъ голосомъ:

— Одинъ юноша шелъ лѣсомъ и увидѣлъ человѣка, который старался поднять съ земли большой мѣшокъ съ мукой и взвалить себѣ на плечи. Мѣшокъ былъ очень тяжелъ, вырывался изъ рукъ уставшаго и нетерпѣливаго человѣка и падалъ снова на землю. Юноша подошелъ, поддерживалъ мѣшокъ, когда человѣкъ опять сталъ его поднимать, и, узнавъ, что муку нужно отнести къ рѣкѣ, въ лодку, сказалъ человѣку: «ты слабъ и измученъ, я же здоровъ и силенъ—дай, я донесу твою ношу, кстати я самъ иду къ рѣкѣ». Взявъ на свои плечи мѣшокъ, юноша съ большимъ трудомъ принесъ его въ лодку, помогъ человѣку войти въ нее, затѣмъ отвязалъ лодку и оттолкнулъ ее отъ берега. Когда же человѣкъ, поспѣшно взявшись за весла, быстро поѣхалъ вниз по рѣкѣ и скрылся за ея поворотомъ, юноша сѣлъ на берегу отдохнуть, радуясь въ душѣ, что могъ сдѣлать доброе дѣло для ближняго.

«Черезъ нѣсколько времени онъ замѣтилъ старика, который ходилъ около того мѣста, гдѣ лежалъ раньше мѣшокъ съ мукой, и чего-то искалъ; затѣмъ старикъ поспѣшилъ къ дереву, гдѣ была привязана лодка, осмотрѣлъ рѣку и, упавъ на землю, сталъ бить себя въ грудь и плакать.

«Юноша подошелъ къ нему и сталъ спрашивать о причинѣ такого сильнаго горя.

— «Какъ же не горевать мнѣ! — воскликнулъ старикъ:—мой старшій сынъ лежитъ при смерти, семья наша голодаетъ... На послѣднія деньги я купилъ здѣсь въ селѣ мѣшокъ муки и понесъ къ лодкѣ... Я старый человѣкъ, скоро усталъ, спустилъ мѣшокъ на землю и, сколько ни мучился, не могъ опять поднять его. Пока я ходилъ на дорогу поискать человѣка, который бы помогъ мнѣ, кто-то пришелъ и укралъ мой мѣшокъ и лодку... Семья моя должна умереть съ голоду, а ты спрашиваешь, о чемъ я горюю!»

— Какъ, по-твоему,—обратился философъ къ новому ученику:—добро или зло принесъ ближнему поступокъ юноши?

— Одному—добро, другому—зло,—отвѣтилъ ученикъ.

— Какъ же назвать такой поступокъ—хорошимъ или дурнымъ?

Ученикъ молчалъ.

Долго ждалъ учитель отвѣта на свой вопросъ и, не дождавшись, сказалъ:

— Пойди же и поразмысли сперва: можно ли всѣ поступки людскіе дѣлать на добрые и злые? Ты слишкомъ еще молодъ для занятій философіей: твое сердце черство, а умъ не развитъ и незрѣлъ...

Горько усмѣхнулся новый ученикъ на слова философа.

— Вотъ въ числѣ твоихъ учениковъ,—сказалъ онъ:—я вижу юношей; у меня же сѣдина въ волосахъ и ты мнѣ говоришь: «ты слишкомъ молодъ!»

— Почему тебя такъ огорчили мои слова?—возразилъ философъ.—Я не сказалъ тебѣ: «ты слишкомъ старъ для ученья», но—«слишкомъ молодъ»... Не значить ли это, что у тебя все впереди еще? И что ты смотришь на то, что въ числѣ учениковъ моихъ есть люди моложе тебя? Что тебѣ до внѣшности ихъ? Они раньше тебя пришли учиться ко мнѣ, раньше выдержали назначенное испытаніе—не теряй времени и ты: ступай, займись своимъ сердцемъ и умомъ и года черезъ три приходи сюда опять.—я испытаю тебя.

— Что же долженъ я дѣлать въ теченіе атихъ трехъ лѣтъ?

— Поселись среди людей, поживи ихъ жизнью, пострадай ихъ страданіями, порадуйся ихъ радостями, пораздумай надъ всѣмъ, что увидишь и услышишь—и смягчится тогда сердце твое и разовьется умъ. Иди же, не губи время. Черезъ три года я буду ждать тебя. Прощай.

Ученикъ ушелъ.

Три года, другъ за другомъ; промчались надъ шумнымъ, веселымъ городомъ и тѣнистымъ садомъ философа,—и вотъ ученикъ снова передъ учителемъ.

— Три года, назначенные тобою, прошли,—сказалъ онъ:—испытай меня, и ты увидишь, что я прожилъ ихъ не даромъ: теперь я знаю все, что нужно, и могу быть твоимъ ученикомъ.

— Если такъ, то слушай,—сказалъ философъ и, подумавъ немного, началъ:

— Нѣкій мудрый садовникъ насадилъ прекрасный садъ. Въ саду этомъ онъ провелъ дороги, выкопалъ водоемы, построилъ мосты. Одни растенія, любящія влагу, онъ помѣстилъ у самой воды, инныя, любящія сухую почву, посадилъ на горѣ, инныя въ тѣни, инныя на солнечной сторонѣ, и, когда садъ былъ совсѣмъ устроенъ, садовникъ открылъ двери его для всѣхъ и самъ временно удалился.

«Роскошный садъ наполнился людьми и они ходили по всѣмъ дорожкамъ, удивляясь красотѣ сада и мудрости его создателя.

«Но вотъ одинъ изъ гостей взялъ заступъ и садовый ножъ и сталъ распорядиться въ саду: одни растенія подрѣзалъ, другія совсѣмъ выбросилъ вонъ; растущія въ тѣни пересадилъ на солнечную сторону и перенесъ къ водѣ тѣ, которыя росли на сухой почвѣ; дороги, проведенныя хозяиномъ сада, загородилъ и началъ проводить новыя, водоемы засыпалъ или осушилъ и сталъ копать другіе.

«Одни изъ гостей, видя все это, возмущались и говорили: «не нужно было трогать прекрасный садъ, насажденный мудрымъ садовникомъ, и этимъ портить его созданіе».

Другіе же возражали первымъ, говоря: «нѣтъ, напротивъ, нужно измѣнить планъ сада и пересадить растенія, ибо человѣкъ, взявшій ножъ и заступъ, вѣроятно, болѣе мудрый садовникъ, чѣмъ самъ хозяинъ; пойдѣмъ и мы поможемъ ему въ планировку и пересадкѣ». Какъ тебѣ кажется,—спросилъ ученика философъ:—нужно было исправлять садъ мудраго садовника или не нужно?

— Если гость былъ въ самомъ дѣлѣ мудрѣе хозяина, создателя сада, то—нужно,—отвѣтилъ ученикъ.

— А если нѣтъ?

— Тогда не нужно...

— А если ты ничего не знаешь о мудрости гостя, то какъ назывешь поправки въ саду—нужными или ненужными?

Ученикъ, потупивъ глаза, молчалъ.

— Ступай и подумай, можно ли дѣлать поступки людей на нужные и ненужные,—сказалъ ученику философъ.—Прибавь еще два года размышленій къ первымъ тремъ, и тогда приходи сюда: ты многое пропустилъ мимо глазъ твоихъ незамѣченнымъ и непродуманнымъ... Вернись опять къ людямъ и пополни свой жизненный опытъ.

— Иду, учитель. Но не скажешь ли мнѣ, какъ долженъ жить я эти два года?—спросилъ ученикъ.—Что дѣлать мнѣ?

— Поселись опять среди людей, сроднись

съ ними, съ ихъ дѣлами и мыслями. Спрашивай у нихъ чаще, зачѣмъ они дѣлаютъ то или другое и такъ дѣлаютъ, а не иначе, и размышляй надъ ихъ отвѣтами и жизнью.

Ученикъ, поблагодаривъ учителя, ушелъ.

Еще два года канули въ вѣчность и ученикъ опять пришелъ въ садъ философа.

— Эти два года,—сказалъ онъ философу:—я прожилъ такъ, какъ ты совѣтовалъ мнѣ. Много новаго я узналъ и обо многомъ размышлялъ за это время, желалъ пополнить и развить свой умъ. Испытай меня, насколько я успѣлъ въ этомъ...

— Выслушай меня внимательно,—сказалъ ученику философъ.—Одинъ изъ твоихъ ближнихъ страдаетъ и въ твоихъ силахъ облегчить его страданія.—Скажи мнѣ, какъ ты поступишь въ этомъ случаѣ?

— Я поспѣшу его страданія облегчить,—быстро отвѣтилъ ученикъ.

— А если ты знаешь, что страданія принесутъ ему пользу въ будущей его жизни,—тогда ты тоже поспѣшишь ихъ облегчить?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ, смутившись, ученикъ:—тогда я помедлю съ моею помощью... съ облегченіемъ...

— А если ты совсѣмъ не знаешь, полезны для людей ихъ страданія или бесполезны—то какъ поступишь: поспѣшишь съ облегченіемъ ихъ страданій или помедлишь?

Ученикъ, не находя отвѣта на вопросъ учителя, молчалъ.

— Видишь,—сказалъ философъ:—ты мало задумывался надъ жизнью и тебѣ еще ни разу не приходила въ голову мысль: можно ли поступки свои дѣлать на спѣшные и неспѣшные и въ одномъ дѣлѣ спѣшить, въ другомъ медлить... Пойди и проведи еще одинъ годъ въ размышленіи, но на этотъ разъ соединишь и размышляй не о людяхъ и ихъ сужденіяхъ и поступкахъ, а о томъ, вѣрно ли мыслишь и дѣствуешь самъ. Проверь одну свою мысль другою, постарайся дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что ты знаешь и чего не знаешь, и тогда придешь ко мнѣ, я сдѣлаю тебѣ послѣднее испытаніе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1906 г.

Уходящій съ арены міровой исторіи годъ былъ годомъ страшныхъ испытаній для Россіи: тяжелая война обнажила глубокія несовершенства во внутреннемъ строѣ нашей родины и силою естественнаго хода вещей привела ее къ порогу новой жизни, основанной на гражданской свободѣ.

Облегченно вздохнувшая Россія вступаетъ въ новую государственную и общественную жизнь, готовая къ новой творческой работѣ надъ своимъ духовнымъ возрожденіемъ.

«Нива» станетъ вѣрнымъ отраженіемъ этого возрожденія, употребитъ все свои старанія на то, чтобы шагъ за шагомъ отмѣчать на своихъ страницахъ, словомъ и рисункомъ, по-

слѣдовательный ходъ грядущей новой жизни обновленной Россіи. «Нива» въ будущемъ году останется вѣрной тѣмъ просвѣтительнымъ дѣламъ, которыя ей завѣщаль ея покойный основатель и издатель Адольфъ Федоровичъ Маркъ.

Независимо отъ литературнаго и художественнаго матеріала «Нивы» и ея «Литературныхъ и популярно-научныхъ Приложений», въ которыхъ участвуютъ извѣстные писатели и художники, мы попрежнему будемъ пополнять домашнія бібліотеки нашихъ подписчиковъ произведеніями лучшихъ писателей.

Въ 1906 году «Нива» дастъ въ качествѣ бесплатнаго приложения

остальныя 30 книгъ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА,

въ которое войдутъ нѣсколько произведеній, никогда еще не напечатанныхъ въ Россіи—три сказки: «Медвѣдь на воеводствѣ», «Мала рыбка, а лучше большого таракана» («Вяленая вобла») и «Орель-меценатъ» и не помѣщенная въ прежнихъ изданіяхъ собранія сочиненій Салтыкова-Щедрина, знаменитая его комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Смерть Пазухина».

(Цѣна существующаго изданія въ 12 томахъ съ пересылкой—21 руб.).

Въ настоящее время всеобщаго подъема творческихъ силъ Россіи особенно поучительно бросить взглядъ на то, чѣмъ была гражданская жизнь нашей родины въ недавнее еще время.

А гдѣ, какъ не въ сочиненіяхъ Салтыкова-Щедрина, отразилась цѣлкомъ, въ живыхъ, незабываемыхъ образахъ, вся русская дѣйствительность? Кто изъ нашихъ писателей далъ болѣе вѣрный, болѣе разносторонній анализъ нашей національной психики?

Сатира Щедрина, сильная своей художественностью, мѣткостью, юморомъ, запечатлѣла общественную жизнь въ такихъ типахъ, которые по яркости и колоритности должны быть поставлены рядомъ съ лучшими твореніями нашей и западно-европейской литературы. Незабвенные щедринскіе типы не уступаютъ по жизненной рельефности типамъ, созданнымъ Гоголемъ, Грибоедовымъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ и Львомъ Толстымъ.

Къ Салтыкову-Щедрину болѣе, чѣмъ ко всемъ другимъ русскимъ писателямъ, подходитъ опредѣленіе поэта: «онъ проповѣдывалъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья». Всей своей писательской дѣятельностью олицетворяя защиту правъ человѣческой личности, онъ жестоко громилъ пошлость жизни, хищничество всевозможныхъ отбѣнковъ («Благонамѣренныя рѣчи»), ташкентцевъ, помпадуровъ, озорниковъ, «торжествующихъ свиней», Дыбъ, Удавовъ и т. д.

Ни одинъ писатель до Салтыкова-Щедрина не обрисовалъ намъ такъ полно и глубоко душу русскаго человѣка, поработаннаго всемъ историческимъ укладомъ жизни.

Пламенья души за права «человѣка, питающагося лебедой», онъ на ряду съ защитой участи мужика горячо звалъ къ обществу, рисуя приниженность и бѣдность обывателя вообще («Письма о провинціи») и его отчужденность

отъ воздвигнутаго на его же плечахъ официальнаго строя (Очеркъ «Сомнѣвающейся» въ «Помпадурахъ и Помпадурахъ»).

Вмѣстѣ съ тѣмъ многія страницы произведеній Салтыкова-Щедрина полны задушевнаго лиризма и глубокой восприимчивости къ людскому горю («Христова невѣста», «Дворянская хандра», «Убѣжище Монрепо», «Сельская учительница», «Портной Гришка» и т. д.). Все эти «униженные и оскорбленные» привлекали къ себѣ чуткое сердце Салтыкова и сами по себѣ въ отдѣльности, и слитые въ одну огромную стомилліонную массу обитателей «Пошехонской старины». «Бѣдная эта страна,—говоритъ сатирикъ:—ее надо любить»...

И Салтыковъ горячо любилъ свою страну. Но когда ему становилось уже невмоготу, когда онъ задыхался въ атмосферѣ дѣйствительности, его творческой умъ уносился въ міръ грезъ, сказокъ.

Знаменитыя «Сказки» Щедрина, предназначенныя имъ для «дѣтей изряднаго возраста», составляютъ одно нераздѣльное цѣлое съ его сатирами. Топтыгинъ съ его «зимней конституціей», жалкій «Премудрый Пискарь», «Карась-идеалистъ» и др. имѣютъ своихъ родичей среди дѣйствующихъ лицъ сатиръ Щедрина, но они запечатлѣваются въ воображеніи читателя гораздо ярче.

Есть среди сказокъ Салтыкова-Щедрина и не связанныя съ сатирой, какъ напримѣръ: «Баранъ Непомнящій», «Кисель», «Коняга», «Вѣрный Трезоръ» и т. д., это—истинныя стихотворенія въ прозѣ, настоящія пѣсни любви, вдохновляющія «отрицанія» Салтыкова, поставившаго лозунгомъ своей дѣятельности: свободу, развитіе и справедливость.

Кромѣ того, въ 1906 году «Нива» дастъ своимъ подписчикамъ

первыя 10 книгъ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

Подъ редакціей и съ критико-біографическимъ очеркомъ П. В. Быкова.

(Цѣна существующаго изданія въ 13 томахъ съ пересылкой—21 руб.).

Стойкій провозвѣстникъ прогрессивнаго направленія въ литературѣ, поборникъ глубоко-человѣчныхъ началъ, положенныхъ въ основу новой пореформенной жизни нашей родины, К. М. Станюковичъ во всехъ своихъ произведеніяхъ, какъ беллетристическихъ, такъ и публицистическихъ, является живымъ писателемъ, тонко и вдумчиво наблюдающимъ жизнь.

Широкая извѣстность его началась уже съ семидесятыхъ годовъ. Въ своихъ большихъ романахъ: «Безъ пехода», «Омутъ», «Откровенные», «Два брата», «Равнодушные», «Жрецы» и др.—онъ даетъ яркое изображеніе жизни современнаго общества, со всеми стремленіями и порывами молодежи, честныхъ борцовъ за идею.

На ряду съ художественною дѣятельностью тяготятъ къ

публицистикѣ, К. М. Станюковичъ создалъ въ ней свои извѣстныя «Картинки общественной жизни» и «Письма знатнаго иностранца», завоевавшія ему большую популярность среди читающей публики. Это—фельетоны-сатиры нашей общественной жизни, написанныя талантливымъ перомъ дѣйствительно «откровеннаго писателя». Этимъ псевдонимомъ К. М. Станюковичъ подписывалъ свои политико-общественныя сатирическіе очерки.

Уже во время своей литературной славы, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, К. М. Станюковичъ былъ въ политической ссылкѣ въ Сибири, гдѣ написалъ полный живого интереса романъ «Въ мѣста не столь отдаленныя».

Самой выдающейся въ его разнообразномъ творчествѣ

вещью справедливо считаются его многочисленные «Морские рассказы», съ ихъ яркими бытовыми картинами, съ ихъ чарующими описаніями моря, съ ихъ трогательной и проникновенной любовью къ родному, меньшему брату-матросу

«Морскіе рассказы» доставили своему талантливому автору исключительную и рѣдкую награду: въ 1896 году присуждена К. М. Станюковичу, вслѣдъ за В. Г. Короленко, золотая медаль имени Погоесскаго.

Въ видѣ третьяго бесплатнаго приложенія подписчики наши получаютъ въ 1906 г.:

„ЕЖЕМЪСЯЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“

съ разнообразнымъ беллетристическимъ, историческимъ, популярно-научнымъ и критическимъ содержаниемъ и со специальными отдѣлами библиографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

Подведемъ теперь итогъ всему, что получаютъ наши читатели въ 1906 году:

- 52** номера журнала „НИВА“, иллюстрированные снимками съ картинъ прежнихъ и современныхъ художниковъ, рисунками современныхъ событій, фото-этюдями и т. д.
- 12** книгъ ежемѣсячнаго журнала: „Литературныя и популярно-научныя приложенія“.
- 30** книгъ сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- 10** книгъ сочиненій К. М. Станюковича, т. е. въ общемъ 40 книгъ „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ убористымъ, четкимъ шрифтомъ.
- 12** номеровъ „Парижскихъ модъ“. До 200 столбцовъ текста формата „Нивы“ со многими (около 300) иллюстраціями и почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.
- 12** листовъ руководѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія съ 300 рис. и чертежей выкроекъ (тоже до 300).
- 1** стѣнной календарь на 1906 годъ, отпечатанный красками.

Имѣя въ виду интересы тѣхъ читателей, которые не были нашими подписчиками въ 1905 году и желали бы, за дополнительную плату, получить первыя 10 книгъ соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина, изданныя при «Нивѣ» 1905 года, мы предлагаемъ имъ возможность получить эти 10 книгъ по пониженной цѣнѣ: за 1 р. 50 к. безъ пересылки и 2 р. съ пересылкою.

Распределение сочинений по книгамъ будетъ приблизительно слѣдующее:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

Остальныхъ 30 книгъ.

- Кн. 11. Сказки: Премудрый пискарь. — Самоотверженный заяцъ. — Бѣдный волкъ. — Карась-идеалистъ. — Добродѣтели и пороки. — Обманчикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель. — Игрушечнаго дѣла людишки. — Чижиково горе. — Вѣрный Трезоръ. — Недреманное око. — Дуракъ. — Сосѣди. — Здравомысленный заяцъ. — Либераль. — Варанъ. — Непомнящій. — Князя. — Кисель. — Праздникъ разговоръ. — Деревенскій пожаръ. — Путемъ-дорогою. — Гена. — Приключеніе съ Крамольниковымъ. — Христова ночь. — Рождественская сказка.
- Кн. 12. Сказки: Воронъ-челобитчикъ. — Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ. — Пропала совѣсть. — Дикій помѣщикъ. — Медвѣдъ на водоездѣ. — Топтыгинъ 2-й. — Топтыгинъ 3-й. — Мала рыба, а лучше большаго таракана. (Вяленая вобла). — Орелъ-меченатъ. — Мелочи жизни: Введеніе. Часть I. — На лонѣ природы и сельско-хозяйственныхъ ухищреній: 1. Хозяйственный мужичокъ. — 2. Сельскій священникъ. — 3. Помѣщикъ. — 4. Мѣрофѣй. II. Молодые люди: 1. Сережа Ростокинъ. — 2. Евгений Люберцевъ.
- Кн. 13. Мелочи жизни: II. Молодые люди. — 2. Евгений Люберцевъ. (Окончаніе). — 3. Черезовы мужъ и жена. — 4. Чудиновъ. III. Читатель: Нѣсколько нелишнихъ характеристикъ. — 1. Читатель-ненавистникъ. — 2. Сolidный читатель. — 3. Читатель-простецъ. — 4. Читатель-другъ. Часть II. I. Дѣвушки: 1. Ангелочекъ. — 2. Христова невѣста. — 3. Сельская учительница. — 4. Полковникова дочь. — II. Въ сферѣ сѣянія: 1. Газетчикъ. — 2. Адвокатъ. — 3. Земскій дѣталь.
- Кн. 14. Мелочи жизни: II. Въ сферѣ сѣянія: — 3. Земскій дѣталь. (Окончаніе). — 4. Праздношатающийся. — III. Портной Гришня. — IV. Счастливецъ. — V. Имьярекъ. — Культурные люди: Культурная тоска. — Продолженіе тоски и появленіе Прокопа. — Между своими. — Поѣхали. — Тайна, облекающая личность восточнаго человѣка, слегка разъясняется. — Старческое горе или непредвидѣнныя послѣдствія заблужденія ума. Рассказъ.
- Кн. 15. Благодѣтельные рѣчи: Къ читателю. — Въ дорогѣ. — Охранители. — Переписка. — Столпъ. — Кандидатъ въ столпы. — Превращеніе.
- Кн. 16. Благодѣтельные рѣчи: — Превращеніе. (Окончаніе). — Отецъ и сынъ. — Опять въ дорогѣ. — По части женскаго вопроса. — Семейное счастье. — Еще переписка.
- Кн. 17. Благодѣтельные рѣчи: Еще переписка. (Окончаніе). — Кузина Машенька. — Непочтительный Коронаръ. — Въ дружескомъ кругу. — Въ погоню за идеалами. — Тяжелый годъ. — Привѣтъ.
- Кн. 18. Пестрыя письма: Письмо I—VIII.
- Кн. 19. Пестрыя письма: Письмо IX. — Недоноченныя бесѣды. Глава I—IX.

- Кн. 20. Недоноченныя бесѣды: — Глава X. — Убѣжище Монрепо: I. Общій обзоръ. — II. Тревоги и радости въ Монрепо. — III. Монрепо-усыпальница. — IV. Finis Монрепо. — V. Предостереженіе.
- Кн. 21. Признаки времени: I. Заѣзжаніе моимъ дѣтямъ. — II. Новый Нарцисъ. — III. Легковѣсныя. — IV. Литературное положеніе. — V. Сенчикинъ ядъ. — VI. Русскіе „гуляющіе люди“ за границей. — VII. Нашъ „savoir vivre“. — VIII. Проектъ современнаго балета. — IX. Хищники. — X. Самовольная современность.
- Кн. 22. Признаки времени: — XI. Сила событій. — Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. Главы I—IV.
- Кн. 23. Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. Главы IV—XI.
- Кн. 24. За рубежомъ. Романъ.
- Кн. 25. За рубежомъ. Романъ. (Окончаніе). — Господа Ташкентцы: Отъ автора. — Введеніе. — I. Что такое „ташкентцы“? — II. Ташкентцы-цивилизаторы. — III. Они же. — IV. Ташкентцы пригатовительнаго класса: Первая параллель.
- Кн. 26. Господа Ташкентцы. IV. Ташкентцы пригатовительнаго класса: — Первая параллель. (Окончаніе). — Вторая параллель. — Третья параллель. — Четвертая параллель.
- Кн. 27. Круглый годъ: Первое Января. — Первое Февраля. — Первое Марта. — Первое Апрелья. — Первое Мая. — Первое Юня. — Первое Юля. — Первое Августа. — Первое Сентября. — Первое Октября. — Первое Ноябрья. — Первое Декабрья.
- Кн. 28. Круглый годъ: Первое Декабрья. (Окончаніе). — Въ свѣдѣ уѣренности и ануратности: I. Господа Молчалины. — II. Отголоски. I. День прошелъ — и слава Богу!
- Кн. 29. Въ свѣдѣ уѣренности и ануратности: II. Отголоски. День прошелъ — и слава Богу. (Окончаніе). — II. На досугѣ. — III. Тряпкины-очевидцы. — IV. Дворянская мелодія. — V. Чужой толкъ.
- Кн. 30. Письма о провинціи: Письмо первое. — Письмо второе. — Письмо третье. — Письмо четвертое. — Письмо пятое. — Письмо шестое. — Письмо седьмое. — Письмо восьмое. — Письмо девятое. — Письмо десятое. — Письмо одиннадцатое. — Письмо двѣнадцатое.
- Кн. 31. Письма о провинціи: Письмо двѣнадцатое. (Окончаніе). — Итоги. — Сонъ въ лѣтнюю ночь. — Похороны. — Дворянская хандра.
- Кн. 32. Пошехонскіе рассказы: По Сенькѣ и шапка. — Audiatur et altera pars. — Въ трактирѣ Грачи. — Пошехонскіе реформаторы. — Пошехонское „дѣло“. — Фантастическое отрезвленіе.
- Кн. 33. Современная идиллія.
- Кн. 34. Современная идиллія. (Продолженіе).
- Кн. 35. Современная идиллія. (Окончаніе). — Письма къ тетенькѣ.
- Кн. 36. Письма къ тетенькѣ. (Окончаніе). — Дѣти Москвы.

- Кн. 37. Пошехонская старина: Введеніе. — I. Гнѣздо. — II. Мое рожденіе и раннее дѣтство. — Воспитаніе физическое. — III. Воспитаніе нравственное. — IV. День въ помѣщичьей усадьбѣ. — V. Первые шаги на пути къ просвѣщенію. — VI. Дѣти. — По поводу предъидущаго. — VII. Портретная галерея. Тетеньки-сестрицы. — VIII. Тетенька Анфиса Порфирьевна. — IX. Заболотье. — X. Тетенька-сластѣна.
- Кн. 38. Пошехонская старина: XI. Братецъ Федось. — XII. Поѣздки въ Москву. — XIII. Московская родня. Дѣдушка Павелъ Борисовичъ. — XIV. Жизнь въ Москвѣ. — XV. Сестрицыны женихи. — Стриженый. — XVI. Продолженіе матримониальной хроники: Есперъ Клещевиковъ. — Неодолгіи сестрицынъ романъ. — Женихи-мелкота. — XVII. Крепостная масса. — XVIII. Аннушка. — XIX. Мавруша-Новоторка. — XX. Ванька-Каинъ. — Продолженіе портретной галереи домочадцевъ. — XXI. Кононь. — XXII. Безсчастная Матренка.
- Кн. 39. Пошехонская старина: XXII. Безсчастная Матренка. (Окончаніе). — XXIII. Сатиръ-скиталецъ. — XXIV. Добро пожаловать! — XXV. Смерть Федота. — XXVI. Помѣщичья среда. — XXVII. Предводитель Струнниковъ. — XXVIII. Образцовый хозяйинъ. — XXIX. Валентинъ Бурмакинъ. — XXX. Слобусценія дамы и проч. — XXXI. Заключеніе.
- Кн. 40. Пошехонская старина: XXXI. Заключеніе. (Окончаніе). — Брусины. Рассказъ. — Большое мѣсто. — Смерть Паузухина Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. — Хронологическій указатель.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ К. М. СТАНЮКОВИЧА.

Первыя 10 книгъ.

- Кн. 1. Портретъ Константина Михайловича Станюковича. — К. М. Станюковичъ, биографическій очеркъ П. В. Быкова. — Морскіе рассказы: Басилій Ивановичъ. — Мрачній штурманъ. — Бѣглець.
- Кн. 2. Морскіе рассказы: — Бѣглець (оконч.) — Человѣкъ за бортомъ. — На каменьяхъ. — Въ штурмъ — Между своими. — Вдали отъ береговъ. — Матросскій линчъ. — Вѣстовой Егороль. — Ночью.
- Кн. 3. Морскіе рассказы: Въ морѣ! — Рождественская ночь.
- Кн. 4. Морскіе рассказы: Пассажирка. — Ужасный день. — Словарь морскихъ терминовъ.
- Кн. 5. Безъ исхода, романъ.
- Кн. 6. Безъ исхода, ром. (оконч.). — Танечка. — Испорченный день. — Благотворительная комедія. — Истинно-русскій человѣкъ. — Оригинальная пара.
- Кн. 7. Оригинальная пара. (оконч.). — Похожденіе молодого человѣка. — Рѣшеніе. — Ужасная болѣзнь.
- Кн. 8. Два брата, романъ.
- Кн. 9. Два брата, ром. (продолженіе).
- Кн. 10. Два брата, ром. (оконч.). — Сержъ Плякинъ. — Давенька Протасъ Ивановичъ. — Безшабашный. — Жентѣба Пинегина.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ 1906 г. со всѣми приложеніями:

Безъ доставки въ Петербургъ... **6 р. 50 к.**
 Съ доставкой въ Петербургъ... **7 р. 50 к.**
 Съ пересылкою въ всѣ города и мѣстности Россіи... **8 р.**
 Съ перес. за границу... **12 р.**

БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской. 7 р. 25 к. 2) въ Одессѣ, въ кн. маг. «Образованіе». 7 р. 50 к.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки въ СПб.			Съ доставкою въ СПб.			Съ перес. иногородн.		
	2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока.	3 срока.	4 срока.
При подпискѣ:	3 р. 50 к.	2 р. 50 к.	2 р.	4 р.	3 р.	2 р.	4 р.	3 р.	2 р.
1 марта...	—	—	1 р. 50 к.	—	—	2 р.	—	—	2 р.
1 апрѣля...	—	2 р.	—	—	2 р. 50 к.	—	—	2 р. 50 к.	—
1 юня...	3 р.	—	1 р. 50 к.	3 р. 50 к.	—	2 р.	4 р.	—	2 р.
1 августа...	—	2 р.	1 р. 50 к.	—	2 р.	1 р. 50 к.	—	2 р. 50 к.	2 р.
Итого:	6 р. 50 к.	6 р. 50 к.	6 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. 50 к.	8 р.	8 р.	8 р.

Для гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ (въ СПб., Москвѣ, Одессѣ и др. город.), допускается разсрочка, на еще болѣе льготныхъ условіяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

Гг. новые подписчики, желающіе получить, кромѣ «Нивы» за 1906 г. со всѣми приложеніями, — еще

первыя 10 книгъ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА за 1905 г.,

прилагаютъ при подпискѣ полную стоимость ихъ (безъ разсрочки), а именно: 1) безъ доставки — 1 руб. 50 к., съ доставкой и пересылкой 2 р.

Къ этому номеру прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ подписной бланкъ для заблаговременнаго возобновленія подписки на «Ниву» 1906 года, при чемъ для удобства гг. подписчиковъ бланкъ этотъ отпечатанъ въ видѣ почтоваго перевода установленнаго образца, которымъ можно воспользоваться для перевода подписныхъ денегъ.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ просимъ обозначать непременно на самомъ переводѣ (а не въ отдѣльномъ письмѣ), на что именно предназначаются деньги, а также адресъ (подробный и четкій).

Прошелъ и этотъ годъ.
 Въ одно ясное лѣтнее утро ученикъ снова появился въ саду философа. Дорожкой, усыпанной мелкимъ, желтымъ пескомъ, онъ направился къ берегу моря, къ мѣсту, гдѣ обыкновенно занимался философъ съ учениками.

Минувая жилище философа, ученикъ увидѣлъ его самого, бесѣдующаго въ кругу учениковъ.

Дождавшись перерыва рѣчи философа, новый ученикъ съ прѣвѣтливѣмъ подошелъ къ нему.

— Я радъ видѣть тебя,—сказалъ философъ.—Скажи мнѣ, какъ прожилъ ты этотъ годъ, сумѣлъ ли дать себѣ отчетъ въ своихъ силахъ и знаніяхъ и готовъ ли выдержать испытаніе?

— Я старался жить такъ, какъ ты совѣтовалъ мнѣ,—отвѣтилъ ученикъ.—Я тщательно провѣрилъ свои мысли, рассмотрѣлъ поступки, привелъ въ порядокъ свои познанія и теперь готовъ отвѣчать на твои вопросы.

— Скажи, что для людей зло и что добро?

Ученикъ подумалъ немного и отвѣтилъ:

— Этого я не знаю.

— Тогда не скажешь ли мнѣ, что нужно людямъ и что не нужно?—спросилъ философъ.

— Не знаю и этого,—отвѣтилъ ученикъ.

— Но, можетъ-быть, ты знаешь, въ какихъ дѣлахъ можно медлить и въ какихъ спѣшить?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ ученикъ.

Легкая улыбка мелькнула на губахъ философа.

— Шесть лѣтъ назадъ,—сказалъ ученикъ.—ты, какъ будто, зналъ все это и бойко отвѣчалъ на мои вопросы; теперь же говоришь: «не знаю». Что же дали тебѣ годы опыта и размышленій, если ты забылъ и то, что прежде зналъ?

— Нѣтъ,—возразилъ живо ученикъ.—я не забылъ ничего: всѣ знанія, приобретенныя мною раньше, остались при мнѣ; много я прибавилъ и новыхъ къ нимъ за эти шесть лѣтъ; но я понималъ также, что всѣ мои познанія не могутъ мнѣ помочь рѣшить вѣрно тѣ вопросы, которые ты предложилъ... Я сознаю ясно, что многому придется мнѣ учиться у тебя.

— Теперь я вижу, что ты не даромъ прожилъ эти шесть лѣтъ и можешь начать изученіе философій,—сказалъ учитель и, обратившись къ своимъ ученикамъ, добавилъ:

— Примите, друзья мои, новаго товарища, полюбите его и помогите ему вашими познаніями. Радостно разстунились ученики философа и дали мѣсто новому товарищу.

И снова полилась живая, ясная рѣчь учителя. И съ каждымъ словомъ его спала по-немногу густая завѣса съ глазъ новаго ученика, скрывавшая отъ него глубокій смыслъ и значеніе того, что раньше казалось ему ненужнымъ и безцѣльнымъ. Миръ во всемъ своемъ величій и красотѣ развертывался передъ нимъ, исчезали всѣ противорѣчія и сомнѣнія, угнетавшія его душу и умъ—стройность и гармонію начиналъ онъ улавливать тамъ, гдѣ раньше видѣлъ лишь разладъ и безмысленный хаосъ... Великія міровыя тайны, одна за другою, раскрывались передъ его изумленнымъ взоромъ, высшій законъ жизни выяснялся передъ его, свѣтомъ истины озареннымъ, умомъ, и ему становилось вдругъ понятнымъ, о чемъ шепчутъ листья надъ его головой, о чемъ такъ смѣло кричатъ чайки и немолчно твердятъ у ногъ его морскія волны...

Иностранцы о русскихъ дѣлахъ.
 (Политическое обозрѣніе).

Быть-можетъ, никогда еще, со времени первыхъ посольствъ господина Великаго Новгородца къ немцамъ, иностранцы не относились къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ съ такимъ напряженнымъ интересомъ, какъ въ наши дни. Свои собственные дѣла кажутся имъ мелкими и ничтожными сравнительно съ величественными событиями, совершающимися въ Россіи. На отставку своего собственнаго военнаго министра наши друзья французы обратили несравненно меньше вниманія, чѣмъ на малѣйшій намекъ о колеблющемся положеніи графа Витте. Англійскія газеты временно забыли даже о Д. Чемберленѣ и дружнымъ хоромъ убѣждали изъ своего прекраснаго далека гг. Гучкова, Шинова и кн. Евг. Трубецкого принять портфели въ кабинетѣ графа Витте. Не менѣе сильную протекцію стремилась оказать послѣднему и германская пресса, кажется, не расходящаяся въ этомъ случаѣ со своимъ правительствомъ. Каждая почта приносила намъ съ Запада миллионъ практическихъ совѣтовъ и указаній, какъ быть и

какъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Болѣе страстные голоса переходили даже отъ совѣтовъ къ требованіямъ, намекали, что Европа не попуститъ развитія безпорядковъ въ Россіи, такъ какъ въ сохраненіи порядка въ нашемъ отечествѣ она заинтересована участію данныхъ намъ въ займы миллиардовъ. Тревоги старушки-Европы, отдающей свои деньги въ ростъ нуждающимся сосѣдямъ, вполне понятны и законны, но все же ея безпокойство не должно бы переходить за границы элементарной политической деликатности. Правда, мы очень много взяли отъ нея, но еще болѣе отдали ей. По однимъ только государственнымъ займамъ мы до сихъ поръ, слава Богу, аккуратно уплачивали около 300 миллионовъ въ годъ, а если перечислить все то, что европейцы извлекаютъ изъ Россіи, какъ изъ доходной статьи своего хозяйства, то получится много миллиардовъ, незамѣтно уплывшіе черезъ западную границу къ нашимъ добрымъ и заботливымъ сосѣдямъ. Забывать объ этихъ миллиардахъ въ черные дни, которые приходится переживать теперь бѣдному земщику, говорить только о цифрѣ займовъ, умалчивая о цифрахъ полученныхъ процентныхъ платежей—значитъ, обнаруживать черную неблагодарность. При томъ же, дѣлая займы, мы, кажется, не отдавали подъ залогъ нашей національной самостоятельности. За что же газетные глашатаи европейскіихъ биржъ угрожаютъ теперь лишить насъ права свободнаго рѣшенія нашихъ внутреннихъ вопросовъ? Кто внушилъ имъ дерзкую мысль третировать Россіей, какъ слабой и разлагающейся Турціей? Кто далъ имъ право навязывать намъ въ руководители того или иного министра, которому они вѣрятъ, на котораго они полагаются. Русскими министрами должны быть избранные люди русскаго народа, а не избранные иностранныхъ банкировъ. Руководители русской политики должны избираться самою націею, а не лондонскою или берлинскою биржею. Каковы бы ни были наши финансовыя дѣла, мы едва ли примиримся когда-нибудь съ замѣной національнаго правительства чѣмъ-то въ родѣ конгурснаго управленія изъ доверенныхъ отъ иностранцевъ-кредиторовъ. Фактъ довѣры послѣднихъ къ имени того или другого государственнаго дѣятеля самъ по себѣ ровно ни къ чему не обязываетъ и не предрѣшаетъ его карьеры по эту сторону западной границы. Миллиарды, помѣщенные иностранцами подъ русскія бумаги, даны въ заемъ не тѣмъ или другимъ государственнымъ людямъ, а Россіи, и уплачивать ихъ будутъ не они, а та же Россія. Въ удовлетвореніи финансовыхъ обязательствъ личность министровъ не играетъ никакой роли, такъ какъ вслѣдствіи государственнаго долга ложится на всю націю. Усиленное протектированіе иностраннымъ фаворитамъ невольно производитъ на огромную массу русскихъ людей какъ разъ обратное впечатлѣніе. Сознаніе противоположности основныхъ

Командированный для производства дознанія по поводу аграрныхъ безпорядковъ, генералъ-адъютантъ В. В. Сахаровъ, убитый въ Саратовѣ 22 ноября с. г., въ губернаторскомъ домѣ.

интересовъ заставляютъ опасаться даже какой-либо тѣни чужеземнаго руководства во внутреннемъ управленіи. Поскольку каждое государство при всеобщей борьбѣ за существованіе непосредственно заинтересовано въ ослабленіи всѣхъ остальныхъ, постольку всякое иностранное вліяніе грозитъ неисчислимыми ущербами опекаемому народу. Въ своихъ собственныхъ дѣлахъ самъ хозяинъ всегда лучше распорядится, чѣмъ кто-либо другой. Читая безцеремонныя рѣчи иностранныхъ публицистовъ, такъ и хочется крикнуть зазнавшимся биржевикамъ и ихъ публицистамъ: «Руки прочь! Довольно этихъ наглыхъ навязываній! Не думайте, что вы уже посадили Россію въ клещи и можете по своему усмотрѣнію самовольно распоряжаться не только ея имуществомъ, но также и ея судьбами». Нѣтъ, Россія еще способна за себя. Она не отдастъ вамъ, въ уплату процентовъ по займамъ, свою буйную волюшку, свою національную самостоятельность. Ея долги обезпечены ея несмѣтными богатствами и трудомъ полугорастамилліоннаго народа. Стригите ваши кулоны, получайте ваши прибыли, но не дерзайте посягать на свободу пробуждающейся къ свободной жизни великой націи. До сихъ поръ Россія ни разу не отказалась ни отъ одного платежа по долговымъ обязательствамъ. Характеризуя положеніе русскихъ финансовъ, въ послѣдней рѣчи французскій премьеръ-министръ Рувье заявилъ, что однихъ только суммъ, хранящихся на счетѣ Россіи въ иностранныхъ банкахъ, обезпечиваютъ уплату кулоновъ по русскимъ займамъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Займодателямъ, слѣдовательно, пока, нечего безпокоиться, а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ принимать участія въ шарлатанской игрѣ на пониженіе всѣхъ русскихъ цѣнностей, которую за ихъ и за нашу счетъ ведетъ зазнавшаяся партія всесильныхъ биржевиковъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Невѣста Варвара. Повѣсть И. Н. Поталенко. (Продолженіе). — Новый ученикъ. Сказка Василія Московскаго. — Заявленіе.— Иностранцы о русскихъ дѣлахъ. (Политическое обозрѣніе).—Объявленія.
 Р И С У Н К И: Декабрь.—Тщеславіе.—Чайныя розы.—Друзья.—Событія въ Севастополѣ: 1) Контръ-адмиралъ С. П. Лисаревскій. 2) Командиръ Брестскаго пѣхотнаго полка, завѣдующій лазаретомъ и священникъ передъ трупами убитыхъ солдатъ. 3) Лейтенантъ Шмидтъ. 4) Команда крейсера „Очаковъ“. 5) Офицеры и команда крейсера „Очаковъ“. 6) Взбунтовавшійся крейсеръ „Очаковъ“. 7) Броненосецъ „Ростиславъ“. 8) Броненосецъ „Князь Потемкинъ-Тавричскій“, переименованный въ „Св. Пантелеймонъ“. 9) Константиновскій фортъ. 10) Графская пристань и гостиница Киста. 11) Комната „Грандъ-Отеля“. 12) Видъ съ Южной бухты съ затопленнымъ во время безпорядковъ транспортомъ „Бугъ“.—И. И. Гучковъ.—Генералъ-адъютантъ В. В. Сахаровъ.
 Нъ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 48.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. и. Свѣтловъ.